

Николай Петрович Вагнер

Сапфир Мирикиевич

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Сказки Кота-Мурлыки

Николай Вагнер

Сапфир Мирикиевич

«Public Domain»

1872

Вагнер Н. П.

Сапфир Мирикиевич / Н. П. Вагнер — «Public Domain»,
1872 — (Сказки Кота-Мурлыки)

«С юга ветерок – ласковый дружок; с севера снежок – строгий старичок. Так-то, мой паренек...Шагай, шагай, не заглядывайся!...»

Содержание

* * *

5

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Николай Петрович Вагнер Сапфир Мирикиевич

* * *

С юга ветерок – ласковый дружок; с севера снежок – строгий старичок. Так-то, мой паренек...

Шагай, шагай, не заглядывайся!..

И бабушка сама шагала по талому снежку и по крепкому сизому черепу. Где наст обледенелся, застеклянился, а где грязный снежок, как зола, насыпан. Почернел, сердечный, туго ему пришлось, скоро в землю провалится. А лужи, лужи! везде, по дороге, по полю... С деревьев слезы капаят... И грачи, мокры-мокрешеньки, всюду каркают. Весна! Весна пришла!..

– Бабушка, – спрашивает внучек, – а ты мне скажи, родненькая, отчего маслена раз в году бывает, и весна отчего раз в году приходит?..

– Шагай, шагай, дружок... Видишь, как все заморозились... Зимой и на юге злое горе пирует. Ветры студёные, вихри снежные, стужа злобная... Натерпят, намаются, наплачутся Божьи люди... И все их слезы несет весной к нам... Заплачут небеса, заплачет земля, и от этих теплых слез и снежок весь побежит, распустится и в землю уйдет... Все наши грехи в землю уйдут... Затем, что снежку уже не место, прошла его пора. Отлютовала зима. Шабаш ей! Идет весна-красна, теплая... Ворочается с юга солнце горячее, к нам накатывает, с каждым днем ближе и ближе подходит, выше и выше по небу ползет... Так-то, мой милый паренек!.. Шагай, шагай, не задумывайся!

– Бабушка! Да ты мне скажи, почему не весь круглый год маслена... Мы кажинный бы день ходили к куме Алёне, и каждый день она бы нас блинами с маслом и сметаной поштowała, угощала...

– Сегодня блины, завтра блины, послезавтра блины. Катайся, как сыр в масле, круглый Божий год, без передышки!.. Ах ты, радостная кроха моя!.. Все Божье дело! Везде передышка нужна... А то без толку и в масле потонешь, и сметаной захлебнешься!.. И порядок тоже нужен. Без порядка никак нельзя быть, никак невозможно... Коли бы без порядку, так все бы перемешалось в одну кучу... И весна, и зима, и лето, и осень, все бы вместе сваялось, и не разберешь, где одно, где другое...

– А разве, бабушка, не бывает зима среди лета?

– Ни, ни! Николи не бывает.

– А как же в запрошлом-то году у нас в Духов день снежок выпал? Помнишь?

– Да это так себе, какой ни на есть шальной выискался, да и пошел... И тут же себе капут приключил... Все его съело солнышко теплое... А ты шагай, шагай, торопись, дай мне рученьку!

– Нет, бабушка... Я сам...

– Да ты сам ножками-то действуй, а мне дай рученьку хорошую. Она ведь ничего не делает... на счастье... Ну! Не упрямясь, дай!.. Видишь, ты не разбираешь, где сухо, где мокро, все по лужам шагаешь. Гляди-ка, как сапожки-то... мокрым-мокрешеньки. Дай! дай, хороший, рученьку, а то я и сказку не буду говорить.

И внучек сейчас же протянул рученьку; как только услышал эту угрозу.

– Видишь, весь носик обмерз, покраснел, и глазки ясные покраснели.

И бабушка вытерла платочком и носик, и глазки. А внучек смотрел на бабушку этими ясными, голубыми глазами и ждал, скоро ли баба милая сказку начнет.

А кругом теплый ветерок подувает, словно со сна, и бороздит, рябит воду в лужах. И голые рощи стоят, краснеют, точно чего-то ждут не дождутся... И тучка мокрых воробьев вдруг налетела с гамом, чириканьем, посела на снежок, на дорожку, и опять вспорхнули все и улетели... А в небе высоко-высоко черные кряквы летят, кричат, крыльями хлопают...

– Ну, что же, бабушка? Сказку...

И бабушка, не выпуская из своей костлявой, шероховатой руки маленькую ручонку внука, начала свою сказку...

По низовьям-низам хмары стелются, ползут, тащатся тучки Божии, кому горе, кому радость, кому хворь и болезнь, кому клад и богатство, все и всем несут и дарят тучки Божии. По низовьям-низам студены туманы клубятся, кому красу, кому бедноту, кому уродство несут. Всякому люду от Бога доля дана. Кому каждый день масленица, кому целый век великий пост.

За дальними морями, сизыми туманами, в славном царстве могучего царя Бендерей было дело великий грех... Одна была дочка у царя, чудо-юдо, краса невиданная и неслыханная, и неписанная, нерисованная, и звали ее царевна Милена-душа, светлый Божий день... Чего, чего не было у царевны прекрасной... И дворцы-терема, с переходцами, и сады, садики с цветиками махровыми, и деревца изумрудные с золотыми яблочками, и птички хохлатые, хвостатые, сладкогласные. Целый день по кустикам порхают, по садочкам летают, поют песни звонкие. Милену-душу тешат, потешают. Бегут ручьи студень, серебряные, с высоких гор катятся. Играет музыка невидимая, все красу прекрасной царевны славят, а царевна-душа, Милена-краса, ходит хмурая, да невеселая... И не знает царь-батюшка, чем свою доченьку развеселить, чего недостает ей. Велит он своим скоморохам-шутам царевну потешать. Пляшут, кувыркаются перед ней шуты потешные, кричат голосами звериными, кто петухом, кто по-песью лаает, кто журавлем курлычет, представляют притчи и комедии. Не могут развеселить, утешить царевны Милены... Зовет-кличет царь Бендерей мудрецов с дальних и ближних стран, заставляет их думать думу глубокую, чем развлечь, распотешить его дочурочку прекрасную. Одна у него она, как перст единая, утеха и радость в жизни сей скоротечной. И засели думать мудрецы вещие думу могучую. Думали, думали, ни много ни мало целых тридцать три дня без трех часов. Один мудрец говорит, надо царевну в заморские царства везти, злую тоску по морям, по горам размыкать-стряхнуть, другой говорит, надо царевну три дня на заре утром в студеной воде купать, и всю хмару-тоску смоем Божья вода. Третий мудрец ничего не сказал. Он слушал из саду песню птицы Кохлыги. Маленькая птичка, а голос куда звонче, лучше соловья. В окошечко косящато солнышко светит, улыбается, зелена роща глядит, и поет так сладко Кохлыга птичка Божия. И вот говорит третий мудрец, а звали его Сапфиром Мирикиевичем Мудрым. Был он моложке всех и была ключом в нем кровь горячая. «Слушайте, – говорит, – братья мудрые. Знаю я, чего не хватает царевне молодой, мне это птица Кохлыга поведала. Много кругом ее всяких утех, много золота, серебра, камней самоцветных, много уборов нарядных парчовых, дорогих, кружев серебряных, много теремов-дворцов с переходцами, зелены сады кругом с цветочками махровыми, птички Божии порхают, славят царевны красу. А ей все нудно да скучно кажется, холодно на сердце. Выросло сердце царевны-души, просит оно ласки ответной от друга милого, просит она горячей любви».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.